

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н. Белянин

ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЧАСТНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Рассматривается вопрос предпосылок введения в Западной Сибири частной крестьянской собственности на землю в 1906–1914 гг. Использован комплекс архивных источников, впервые введенных в научный оборот, на основании которых сделан вывод о готовности крестьянства к появлению института частной собственности.

Ключевые слова: Сибирь, собственность на землю.

Сибирь как регион Российской империи в начале XX в. имела особый статус, что подчеркивалось спецификой законодательной системы страны. Так, в годы столыпинской аграрной реформы на Сибирь не распространялись основные законодательные акты, касавшиеся выхода крестьян из общины. Лишь спустя несколько лет после начала реформы был разработан законопроект о введении в Сибири частной крестьянской собственности на землю. Этот проект не получил однозначных оценок ни у современников, ни у последующих исследователей. Даже в вопросе о последствиях издания такого закона высказывались разные мнения.

Многие политики и исследователи, изучавшие аграрный вопрос в начале XX в., к этому законопроекту отнеслись негативно. Например, такое отношение высказал Н.П. Огановский, в целом выступавший за сохранение общинных начал [1. Т. 3. С. 274–278]. Противником правительственного курса создания в Сибири единоличных хозяйств был также А.А. Кауфман, защищавший общинные устои [2. С. 122–123]. Иную точку зрения высказал П.А. Столыпин, считавший, что введение частной собственности на землю отвечает интересам сибирского крестьянства [3. С. 59]. На наш взгляд, законопроект о частной крестьянской собственности на землю не только отвечал интересам крестьянства, но и базировался на определенных предпосылках. Наличие таких предпосылок свидетельствовало о готовности крестьян к появлению закона о частной собственности.

Первой предпосылкой следует считать стремление значительной части крестьян к созданию единоличных хозяйств. Об этом свидетельствуют масштабы внутринадельного размежевания в Западной Сибири в начале XX в. В Сибири, в отличие от Европейской России, выход на хутор или отруб не сопровождался закреплением в частную собственность. Тем не менее стремление крестьян к образованию самостоятельных единоличных хозяйств вполне можно считать предпосылкой к введению закона о частной собственности. Уже в конце XIX в. в связи с наплывом переселенцев, часть которых прибыла из западных губерний страны, на заседании Комитета Сибирской железной дороги 8 декабря 1899 г. было решено оказывать содействие переселенцам к образованию хуторских и подворных участков. А 22 июня 1900 г. были утверждены временные правила о подворном и хуторском устройстве на переселенческих участках в Сибири и Степном крае [4. С. 41, 83]. На прак-

тике переселенцам, ходатайствовавшим о разделе на хутора, обычно отказывали на том основании, что их участки полностью не заселены [5. С. 86]. Тем не менее эти правила нашли отклик среди части крестьянства. Так, 12 июня 1905 г. крестьяне деревни Пьянковой (Бийский уезд) приняли решение о размежевании общего надела между выселками Верхние и Нижние Саразоны, Ускучь-Караса, Ключи и Беруля [6. Л. 23]. Только в Томской губернии к началу 1906 г. было до 100 ходатайств о разверстании наделов на хутора и отруба [7. С. 81–83]. По сведениям А.А. Кофода, старожилы и переселенцы Томской губернии еще в конце XIX в. начали кое-где разбивать свои земли на участки единоличного пользования [8. Л. 138]. И.А. Асалханов также приводит примеры самостоятельного разверстания крестьянами Тобольской губернии своих селений в 1898–1902 гг. [7. С. 91].

В 1906–1914 гг. внутринадельное размежевание получило в Западной Сибири значительный размах. В различных региональных архивах этого региона отложилось немало документов, связанных с прошениями целых селений о выходе на хутора или отруба. Например, приговор общества Кошелевского (Барнаульский уезд) от 1 июня 1911 г. гласил: произвести размежевание на отруба [9. Л. 71, 166]. Аналогичным образом стремились к размежеванию крестьяне села Лукошкинского Тарсминской волости [10. Л. 2, 39] и села Нагорновского (Тарский уезд) [11. Л. 13]. Не меньше в архивах и прошений об образовании хуторов и отрубов от отдельных крестьян или групп крестьян [12. Л. 294, 438 об.]. Так, 13 домохозяев села Надеждино (Тарский уезд) ходатайствовали о выходе на хутора [13. Л. 5], 4 крестьянина поселка Рогалевского также просили о выходе на хутора [14. Л. 181].

В 1913 г. в Тобольском, Акмолинском и Томском районах внутринадельным межеванием было охвачено 304 селения общей площадью 2 189 668 десятин. Кроме того, еще в 36 селениях Томского района топографы не смогли приступить к межеванию в соответствии с планом на 1913 г. [15. С. 50, 53, 58 – *подсчитано автором*]. Даже в годы Первой мировой войны чинами Томской поземельно-устроительной партии отмечалось стремление населения к внутринадельному разверстанию [16, Л. 55]. Всего в Томской губернии с 1908 по 1915 г. возбудили ходатайства о внутринадельном размежевании 238 208 домохозяев, площадь наделов которых в сумме была равна 10314441 десятина. На этой площади было образовано 2 449 хуторов площадью 100 689 десятин и 10 738 отрубов площадью 340922 десятины [4. С. 84]. В Тобольской губернии, по данным Н.В. Захаровой, к 1915 г. было создано 1 258 хуторов, а число отрубов в 2,5 раза превысило эту цифру [17. С. 17]. Кроме того, к 1917 г. не были удовлетворены ходатайства о разверстании 623 селений Томской губернии площадью в 2 426 573 десятины, и 49 переселенческих и 30 старожильческих селений в Тобольской губернии к 1916 г. [7. С. 97].

Таким образом, наличие многочисленных ходатайств и прошений от крестьян, а также самостоятельное размежевание крестьянами селений без какого-то участия правительства свидетельствуют о стремлении крестьян Западной Сибири (как переселенцев, так и старожилов) к единоличному землевла-

дению, что можно считать предпосылкой введения в Сибири частной крестьянской собственности на землю.

Второй важный фактор, свидетельствующий о появлении в Сибири предпосылок для издания закона о частной собственности, связан с распространением заимок. Многие заимки представляли собой единоличные хозяйства, мало чем отличавшиеся от хуторов или отрубов. Так, например, на заимке Бийского мещанина Григория Казанцева имелось полное домообзаводство – жилой дом, изба, пригоны, пасека и баня. Кроме того, при заимке была охраняемая роща, обнесенный поскотиной выгон и здесь же находилось землепользование – 8 десятин пашни, 20 десятин покоса и столько же выгона. Весь надел составлял 76 десятин с неразработанной площадью удобной земли, сосредоточенной в одном отрубе [18. Л. 49]. Крестьянин Минин владел также очень крупной заимкой в Алтайском округе. В его хозяйстве было 800 лошадей, 1000 баранов и до 1000 голов рогатого скота. Подобные хозяйства, как отметил И.А. Асалханов, превращались в усадьбы «помещика с массой батраков при полном бесконтрольном пользовании массой свободных земель» [7. С. 31]. Некоторые из крестьян, ведущих на заимках скотоводческие хозяйства, содержали молочный скот, сепараторы, маслобойки и перерабатывали молоко в сливки и масло [19. Л. 27]. Подобные заимки фактически являлись прообразом будущих молочных ферм, прочно ориентированных на рынок.

В период массовых переселений в Западную Сибирь в начале XX в. многие заимки включались в состав переселенческих участков. Но нередко владельцы заимок, не желая становиться общинниками, подавали прошения о выделе их заимок в отдельные хутора или отруба. Так, крестьяне с Красноярского (Мариинский уезд) А. Гладышев и Я. Столль в своем ходатайстве писали, что общинное пользование, «бесспорно, вредит более правильному ведению хозяйства», далее они отметили, что «при наделении сибирских крестьян землей» в 1891 г. они не пожелали перейти на общественный надел, а остались на своих заимках, которые отошли в запасной участок. Как видно из документа, оба крестьянина владели заимками очень долго – «более 50 лет со дня прихода наших родителей в Сибирь». И. Макаров более 30 лет арендовал участок, на котором фактически возникла заимка, и также просил о передаче ему этого участка в хутор [20. Л. 110, 182]. В 1906 г. распоряжением Общего присутствия Томского губернского управления хуторские участки Нифантовский и Романовский были переданы проживавшим на них заимщикам [21. Л. 107]. Случаи, когда на месте арендного хозяйства возникали заимки, владельцы которых затем просили об отводе им отдельных хуторов и отрубов, не были редкими. Так, крестьянин Г. Некрасов арендовал у Казны 2 острова на оз. Чаны, имел там прочное хозяйство и просил об отводе ему этих островов в отдельные хутора [22. Л. 12, 175–176, 186]. Эти данные показывают, что среди владельцев и арендаторов сибирских заимок в начале XX в. формировалось отношение к своим хозяйствам как к собственности. Можно вспомнить, что известный указ от 9 ноября 1906 г., ставший фундаментом столыпинской аграрной реформы в Европейской России, нашел особенно оживленный отклик среди заимочников Сибири [23. С. 311–

312]. Действие этого указа на Азиатскую Россию не распространялось, но владельцы заимок, очевидно, рассчитывали, что государство вскоре издаст аналогичный законодательный акт и для Сибири. О том, что заимочники стремились воспользоваться всякой возможностью и любыми поводами, чтобы не допустить перехода заимок в руки общины, свидетельствуют данные Л.Ф. Склярова, взятые из «Отчета о межевых работах за 1913 г.». Основная мотивировка заимочников: община сковывает хозяйственную инициативу, лишает возможности удобрять землю и т.п. [24. С. 27].

В Государственном архиве Томской области хранится документ, содержание которого, на наш взгляд, очень показательное. Это «Акт топографа Томской поземельно-устроительной партии» Усова от 23 августа 1913 г., который представляет собой жалобу на действия нескольких крестьян – владельцев заимки. Топограф при прокладке границы между селениями должен был пройти по посевам, расположенным на заимке. Владельцы заимки, угрожая огнестрельным оружием(!), решительно этому воспрепятствовали. Один из крестьян при этом произнес фразу: «С этого места нас никто не угонит: нет закона, чтобы людей сживать с места, где они обрабатывают землю своими руками» [25. Л. 1-3]. Этот пример доказывает, что многие владельцы сибирских заимок не только относились к своим заимкам как к собственности, но и готовы были эту собственность защищать от всякого посягательства извне.

Следует добавить, что государство в 1910–1914 гг. пришло к переоценке отношения к сибирским заимкам. По данным И.В. Островского, некоторые чиновники настаивали на всемерной поддержке заимочного землевладения. Заимки стали рассматриваться как очаги культурного хозяйства, которое должно всецело поощряться. Земельная подкомиссия Государственной думы приняла такую редакцию закона, которая не устанавливала предельного размера укрепляемых в собственность заимочных хозяйств [26. С. 73].

Третьей предпосылкой, на наш взгляд, следует считать отношение самих сибирских крестьян к земле как к объекту купли-продажи. Этот факт ранее был отмечен многими исследователями. Например, П.И. Малахинов считает, что в Сибири фактически существовала индивидуально-крестьянская собственность на землю и крестьяне распоряжались землей как юридические собственники, свободно отчуждая или приобретая путем сделок купли-продажи [27. С. 274–276]. Эту точку зрения разделял В.Г. Тюкавкин, который отмечал, что крестьяне Сибири распоряжались землей как юридической собственностью [28. С. 174–175, 183–184]. По данным Л.М. Горюшкина, крестьяне продавали и покупали надельную землю, далеко не всегда спрашивая согласия сельских обществ. В Енисейской губернии в конце 80-х – начале 90-х гг. известно немало случаев, когда сделки по продаже участков утверждали волостные суды, смотревшие на землю крестьян как на их собственность [29. С. 293]. По мнению М.Т. Когут, сибирскому крестьянству не чужды были ни идеи частной собственности на землю, ни пользование ею [30. С. 53]. В официальном издании «Азиатская Россия» отмечалось, что при отсутствии юридических норм население выработало такие нормы и порядки землевладения, которые мало чем отличаются от собственности [31. С. 532].

Эта точка зрения находит многочисленные фактические подтверждения. В.Г. Тюкавкин в своей монографии опубликовал циркуляр иркутского генерал-губернатора от 8 ноября 1888 г., где отмечалось, что почти повсеместно крестьяне позволяют продавать наделные участки земли и отдавать их в аренду, не испросив предварительно на то согласие общества. Причем волостные правления допускали свидетельство подобных сделок и фиксировали их в официальных книгах [32. С. 86–87]. Отмечались случаи покупки крестьянами сельскохозяйственных угодий у аборигенов Сибири, после чего эти угодья считались крестьянами своей частной собственностью. Особенно широкий характер приняла случаи продажи земли внутри общины, причем органы крестьянского самоуправления признавали земельные сделки законными и оформляли соответствующие документы. Как считает В.Н. Худяков, имело место быть широкое распоряжение крестьян земельными участками, вплоть до права отчуждения [33. С. 56]. В 1907 г. были отмечены случаи, когда крестьяне предлагали за хуторской участок в 40 десятин на Алтае до 300 рублей наличными [34. С. 129].

Замаскированной формой купли-продажи была уплата приемных приговоров переселенцами за право получить надел в старожильских селениях. Последнее в 1906–1914 гг. было явлением массовым. Так, по данным зав. Томским переселенческим районом В.П. Михайлова, в январе – ноябре 1907 г. в старожильческих селениях приемные приговоры получили 6 410 семей [35]. Чиновники и администрация об этих фактах знали, но не препятствовали. Местные власти тем самым признавали за крестьянами право на куплю-продажу земельных наделов, хотя эти сделки и совершались вне рамок закона. Таким образом, можно констатировать, что сибирское крестьянство на рубеже XIX–XX вв. фактически относилось к земельным угодьям как к собственности, которую можно свободно продавать и покупать.

Четвертой предпосылкой можно считать широкое распространение в Сибири общин, где не практиковались переделы основных сельскохозяйственных угодий. Очень интересный материал по этому вопросу содержится в работе известного историка-аграрника В.Г. Тюкавкина [32. С. 92–93, 96–98]. По его данным, переделы пашни чаще встречались в Тобольской губернии, значительно реже в Томской и совсем в единичных случаях в Иркутской и Енисейской. Для Томской губернии, Тарского и Тюкалинского уездов Тобольской было характерно наименьшее развитие общинного землевладения, преобладали формы землевладения, в которых общинное начало проявлялось весьма слабо или даже оставалось в совершенно скрытом состоянии. В.Г. Тюкавкин также привел несколько примеров, когда представители администрации вмешивались в вопросы крестьянского землепользования с требованием провести переделы земельных угодий внутри общины. Так, в Иркутской губернии почти все переделы начались после опубликования соответствующего распоряжения генерал-губернатора и действий крестьянских начальников. В Забайкальской области переделы были введены по приказу военного губернатора области.

Во время работы местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности на уездных совещаниях был проведен

опрос, в ходе которого лишь часть крестьянства Тобольской губернии высказалась за общинно-уравнительный способ землепользования, да и то не везде: в остальных губерниях было отдано «решительное предпочтение подворно-наследственному способу перед общинным». Крестьяне при этом отмечали, что общинно-уравнительное землевладение, «удовлетворяя натурой», не дает в достаточном количестве денег на удовлетворение других потребностей крестьянского обихода. На Курганском уездном совещании крестьяне настаивали на том, что удобрение полей невозможно при переделах, так как «при первом частном или общем переделе удобряющий хозяин легко может быть согнан со своего участка, которым и воспользуется неграмотный хозяин», и что «при общинном землевладении вообще повышение уровня сельскохозяйственной культуры немыслимо». За захватно-подворное и заимочное пользование высказались уездные комитеты: Балаганский (Иркутская область), Канский и Енисейский (Енисейская губерния), Барнаульский (Томская губерния), Акмолинский и другие. Даже в случаях, когда переделы внутри общин проводились, соблюдался принцип «старозаимочности», т.е. право каждого оставаться на старом месте («становье») [36. С. 16].

Аналогичный материал содержится и в монографии другого известного исследователя И.А. Асалханова, который отметил доминирование индивидуального и подворно-наследственного пользования пашнями в Мариинском, Томском, Каинском, Тарском и Тюкалинском уездах, а также на Алтае и в Восточной Сибири [7. С. 29]. О том, что сибирская старожильческая община почти незнакома с уравнительными порядками, писал Н.П. Огановский [1. Т. 3. С. 276]. Такое признание особенно важно, поскольку Н.П. Огановский был однозначным и последовательным сторонником общинных порядков.

Эти данные свидетельствуют, что в абсолютном большинстве сибирских общин к началу XX в. передельный аппарат еще не сложился (или не мог сложиться вообще). Было характерно преобладание «беспередельных» общин. Наличие таких общин свидетельствует о том, что у крестьян Сибири не так было развито стремление к земельному равенству, как в Европейской России. Фактически такие «беспередельные» общины вполне можно считать аналогом подворного землевладения, где каждая семья в течение нескольких поколений обрабатывает одни и те же участки земли.

Таким образом, в Сибири в начале XX в. сформировались предпосылки для принятия закона о частной крестьянской собственности в Сибири. Как видно из приведенных фактов, такой закон должен был лишь формально узаконить уже существовавшие на практике нормы и правила. Имеющиеся факты позволяют сделать вывод, что среди сибирского крестьянства наблюдалось стремление к единоличным формам землевладения, и именно на основе таких форм должен был развиваться институт частной крестьянской собственности на землю.

Литература

1. *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 3: Обновление земледельческой России. Вып. 1: Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.
2. *Кауфман А.А.* Земельный вопрос и переселение // *Сибирь, ее современное состояние и ее нужды.* СПб., 1908. С. 79–140.

3. *Кривошеин А.В., Столыпин П.А.* Поездка в Сибирь и Поволжье. СПб., 1911.
4. *Седых Г., Сергиенко В., Тивяков С.* Земля Кузнецкая – История Сибири. Кемерово, 1997.
5. *Корнеева Г.А.* Временные правила 22 июня 1900 года об образовании для переселенцев подворных и хуторских участков // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1991. С. 81–90.
6. *Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК).* Ф. Д-213. Оп. 1. Д. 7.
7. *Асалханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири кон. XIX – нач. XX вв. Новосибирск, 1975.
8. *Российский государственный исторический архив (РГИА).* Ф. 391. Оп. 5. Д. 882.
9. *ЦХАФ АК.* Ф. Д-67. Оп. 1. Д. 13.
10. *Государственный архив Кемеровской области (ГАКО).* Ф. Д-14. Оп. 1. Д. 4.
11. *Государственный архив Омской области (ГАОО).* Ф. 183. Оп. 5. Д. 1.
12. *Государственный архив Томской области (ГАТО).* Ф. 240. Оп. 1. Д. 919.
13. *ГАОО.* Ф. 183. Оп. 1. Д. 249.
14. *ГАОО.* Ф. 47. Оп. 1. Д. 10.
15. *Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 году.* Пг., 1914.
16. *РГИА.* Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 55.
17. *Захарова Н.В.* Колонизация Тобольской губернии в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004.
18. *ЦХАФ АК.* Ф. Д-65. Оп. 1. Д. 227.
19. *ЦХАФ АК.* Ф. Д-194. Оп. 1. Д. 24.
20. *ГАТО.* Ф. 240. Оп. 1. Д. 50.
21. *ГАТО.* Ф. 240. Оп. 1. Д. 550.
22. *ГАТО.* Ф. 240. Оп. 1. Д. 919.
23. *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
24. *Скляр Л.Ф.* Столыпинское землеустройство в Сибири // Научные доклады высшей школы. «Исторические науки». 1958. № 4. С. 24–37.
25. *ГАТО.* Ф. 504. Оп. 1. Д. 4.
26. *Островский И.В.* Аграрная политика в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.
27. *Малахинов П.И.* О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962.
28. *Тюкавкин В.Г.* Характер аграрных отношений в Сибири в начале XX в. // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 166–189.
29. *Горюшкин Л.М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
30. *Когут М.Т.* К вопросу о характере столыпинской аграрной политики царизма в Сибири // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 48–57.
31. *Азиатская Россия.* СПб., 1914. Т. 1.
32. *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
33. *Худяков В.Н.* К вопросу о собственности на землю в Сибири в XIX в. // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 46–57.
34. *Синельников Н.* Хуторские отрубы, образованные в 1907 году в Томском уезде на землях Алтайского округа Кабинета Е.В. // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 121–129.
35. *ГАТО.* Ф. 239. Оп. 1. Д. 24. Л. 2об.
36. *Тюкавкин В.Г.* Социально-экономическое развитие сибирской деревни в эпоху империализма: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1966.